

ОГНИ АЗЕРБАЙДЖАНА

АЗЕРБАЙДЖАН, древняя страна огней. Сегодня Азербайджан — страна новых огней. Огней индустрии, науки, культуры, прекрасных огней духовного расцвета народа, огней художественного творчества.

СЕГОДНЯ В МОСКВЕ НАЧИНАЮТСЯ ДНИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Столица нашего многонационального Отечества Москва приветствует Азербайджан!

«Рожденные без радости мертвы» — сказал когда-то великий Н.Заман. Рожденные в радости — пусть цветет искусство народа-брата! Москвичам предстоит в эти дни познакомиться с первыми талантами азербайджанской музыки, хореографии, вокального, эстрадного коллективов, ансамблей народной песни и танца.

Искусству Азербайджана — душой художника о времени, о героях, о красках родной страны — посвящаем мы в этой странице выступления мастеров искусства братской республики.

БАЛЛАДА О ГЕРОЯХ...

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ — детство наше пришлось на традиционные годы — восстание в атмосфере подвига. Подвиг был воздушным, которым дышала страна. Всюду: Челюскинцы, Арктика, укладские перелеты, герои полей и герои строек... А потом начались бои в Испании — первая схватка с фашизмом. С детства, с юности в нашу душу влился героический дух предков. Мы не искали им отзвука в искусстве.

Забывать ли, какую роль в нашем гражданственном развитии играли театр и советская азербайджанская драматургия? Герои пьес Джафара Джаббарлы — и современники, и герои истории — пришли к нам со сцены величавым воплощением стойкости бои и смелого человеческого духа. Мужественный Эльхан, прекрасный Севиль, образная комсомолка Алмас несли в себе героическое утверждение жизни, а герой Вагиф Самед, Вургуля был провозвестником гордости народа в надвигающуюся военную грозу.

Эти образы были созвучны времени. Эпоха звала героев на сцену, и наша драматургия, театр, искусство наших актеров вывели на сцену героя — идеал по-

коления, которому суждено было пройти трудными путями времени и которому выпало на долю быть хозяевами сегодняшнего дня.

Новое время — новое слово. Наш театр вырос на героическом, романтическом репертуаре. Но герой театра, драматургия растет с жизнью. Какого героя предлагает современность на передний край искусства? Потребность времени — чтобы герой искусства был выделен из того же материала, из которого строится жизнь. Вагиф, Севиль, в духовную жизнь моего Азербайджана вписаны верно и крепко. Но из их рук пришла эстафета новому герою — строителю жизни.

Правда жизни. Она не в натурном соответствии тому, что всем нам дано видеть. Правда жизни — это образная сказка — выступает у нас на Каспии, в героической жизни, в героическом подвиге среди бесплодных просторов моря. Наш Рашад Раза верно написал: Я с цветами сплю, попирая подножие стальные.

Пушкин как-то сказал величаво: «Кавказ подо мною». С бурных вышек на Кас-

пий представлений о современности, они приходят в залы театров. Проходит то, чего не было за всю историю театра: зал имеет возможность видеть широко и глубоко. С тем, что дает сцена. А зал уже часто сцена бывает у нас выше зала? Я мог бы назвать хорошие произведения, появившиеся за последние годы в азербайджанской драматургии и в театре, но все же слово мое к тому, что в порядок дня встает необходимость категорического пересчета в пользу сцены. В пользу героического искусства. Сцене нужен большой герой. Герой правды, а не герой, который приходит в театр, но не отвлеченный идеал, а товарищ по жизни, по общим мыслям и чувствам — товарищ-герой.

Когда-то давно, еще на первых представлениях пьес «Севиль», в двадцатых годах, было так: залы были заняты последними актами, и в подложку сценки летели черные покрывала — женщины в зале рыдали над душой. Сейчас это уже история. Я думаю о настоящем: кончается спектакль, и герой сходит со сцены — протягивает руки товарищам в зале.

Кажется, что героический пересчет в пользу сцены, в двадцатых годах, было так: залы были заняты последними актами, и в подложку сценки летели черные покрывала — женщины в зале рыдали над душой. Сейчас это уже история. Я думаю о настоящем: кончается спектакль, и герой сходит со сцены — протягивает руки товарищам в зале.

А. Радулиев. «Бригада».

НИЧЕГО не может быть горше сознания собственной неуживчивости. Выходу человеку из этого пути. Вера еще была обещана: одна устремленная, одна душа. А завтра вам уже не по дороге...

Профессию артиста с пониманием и уважением называют жесткой, но это чаще эстетическая фраза, а не истинное понимание. Кто, кроме своего артиста, уже в расцвете жизни думать о скорой смерти, на заре любви записаться мужеством для близкой разлуки?

«Мне трудно писать, как в танцевала, да и не мне говорить об этом. Я думаю, что секундами возвращаю меня в сознание, вспоминая, что это последний спектакль, слова, которые я выдела в глазах актеров, играющих со мной» — читает мы в книге Татьяны Вечесловой.

Писать балерины, и хоть в статье речь пойдет не об артистах балета, а о певцах, мы считаем возможным здесь этот отрывок. Не всем, конечно, из нас, певцам, как и танцовщицам, самой природой поставлено в особое положение. Их век отмечен заранее.

Эта трагедия, даже если конец приходит в законный, природой назна-

ченный час. Когда так, многого сматываешь, и восторг, и естественная утомленность, и богатство воспоминаний примиряют, хотя бы отчасти, с новой жизнью — в одиночестве, в тишине, на творческом покое.

Но конец приходит не только в конце. Певец еще молод, еще полон сил, ему бы еще петь и петь, но что-то случается с голосом, с этим кантиленным и коварнейшим инструментом. Человек жив, здоров и благополучен, а вокалет гибнет. Все налаженное, привычное, устроенное рушится — и в возвышенном плане (цель, назначение жизни), и в обиходном (заработок, пропитание, обеспечение семьи).

Чтобы не было никаких разочуждений, мы говорим сразу и здесь, и дальше речь пойдет о безусловных, беспорядочных случаях, когда утрата творческой формы — очевидный и непоправимый факт.

И перед человеком, занимающим директорское кресло, вырастает эта окаянная проблема.

Ведь может быть, именно этим периодом (авторских теперь долговечны) была подписана приказ о зачислении в группу певца, судьба которого теперь решается. Приняли его в театр, как родного. Одну за другой поручили ведущие партии — Эскиндаров, Грязного, Демона, при одном упоминании о которых у консерваторской скамьи першит в неокрепшей горле...

Правда, были разговоры, что это большое неразумие и еще больший риск, что для такого репертуара певец еще не стоек, ни мастерством не вышел. Ведь если молодой певца держат несколько лет на крошечных ролях, то не потому вовсе, что какая-то прелесть или талантливость не дает ему хвалу. Но театр пошел на риск: не от хорошей жизни: петь оказалось больше некому.

То и произошло, что предсказывали, — не выдержал нагрузки, сорвался.

Как же быть?

Идеальным представляется такой выход: почувствовать первые тревожные симптомы, певец собирает в тугой узел свою волю и говорит: «Я ухожу». Нам рассказывал директор Московской филармонии Митрофан Кузьмин Белоцерковский: «Помню, я удивился безмерно — певца в прекрасной форме. Допытывался, нет ли других причин. Но она решила твердо: я-то себя лучше знаю, не хочу, чтобы завтра заметила публика».

Мы были бы далеки от правды, если бы упустили одну мелкую деталь: из 16 лет работы наш собеседник только разговор имел один-единственный раз. Так что считаться типичным идеальным случаем никак не может.

Типичнее другой вариант. Есть тысячи способов поладить с собой. Нам мекнул мне на профессиональном неадекватном — скажу себе: наверное, мстят за критику. Или: хотеть продвигать кого-то своего. Значит, надо бороться.

И пишется жалоба — в суд, в Министерство культуры, в ЦК профсоюза.

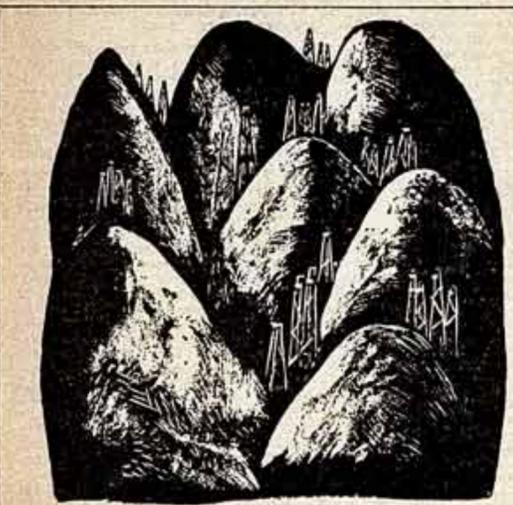
Может быть, мы горим очень много, может, мы даже погорели и никуда не вылезем, но мы должны сказать: правда, обычно административная, художественная руководящая, и неправ певца, сколько бы трудом не стоило убедить его в этом. Кому, внутри, незаслуженные обиды — все бывает, но в преобладающем числе жалоб «пострадавших» неопытностью.

Есть другая возможность: отказыв-

ПРОФСОЮЗНАЯ ЖИЗНЬ

УХОДЯЩИЕ СО СЦЕНЫ

Д. АКВИС, Г. УЖОВА

Р. Бабаев. «Вышки поднимаются в горы».

Фото С. Мишина.

...О ВРЕМЕНИ

АФРАСЯБ БАДАЛБЕЙЛИ, композитор

ВЕКА она стоит на земле Азербайджана — гордая красавица-багша, «девичья багша» в Баку. Она возвысилась над годами и над столетиями, свидетельница набегов врагов и разрушительных нашествий, разгула фанатиков религии и господства сильных мира сего над разумом и справедливостью. Шло время — она слышала песни-жалобы, песни-стоны, порой горькие и гневные, и все больше закрывалась от глаз людей рубищем шатки и жалких построек. И когда над краем Азери засияло солнце свободы, она открылась и встретил его лучами. И жизнь как бы убыстрила свой бег у подножия ее древних стен.

Время убыстрило свой бег. Край Азери мигнул полустолетием и измерит целую эпоху...

Не так ли и музыка Азербайджана в советские годы, смешав все сроки, все меры исторического измерения, хлынула из глубин национальной творческой гениальности новыми песнями, мелодиями и звуками. От одностопного сложностопного полифонии, от простой полемки к самой совершенной и глубокой музыкальной форме; музыка Азербайджана словно торопилась, чтобы за годы пройти путь к вершинам многовекового опыта мирового искусства.

Там, где одностопный мугам и песня ашуга впервые превратились в полифоническую радугу звуков, — у истоков большой профессиональной музыки Азербайджана, — стоит Узеир Гаджибеков. Каждое сочинение этого блестящего музыканта-новатора было поиском, открытием, постижением богатств и красочности национального духа, и его труд был направлен к созданию и развитию неведомых дотоле в музыкальной культуре Азербайджана традиционных, монументально многозвучных картин родного края. Было ли это выражением лица времени? Да. Мой край, Азербайджан, ощутил свою силу и свою красоту, увидел свои новые пути, небывало расширился человеческое, общественное сознание народа — эту новую судьбу и большие, светлые ожидания много древнего края живописал композитор.

Слушайте музыку революцион! — говорит великий русский поэт. Слушайте музыку времени! Музыка Узеира Гаджибекова — музыка времени. Азербайджанской национальной музыкальной революции, лиричного времени.

Черная сила в народном творчестве, слыша «музыку времени», азербайджанские композиторы всей душой шли навстречу времени, преоб-

ражающему родную республику. В образах, подчеркнутых в истории, образах народной героини наша страна отражала пафос подвига и гордость современников, которые были строителями первых пятилеток тридцатых годов и патриотами свободной Родины. В том и величие, и художественная ценность пладанию народных и современных звуков времени создания искусства, что они способны всегда выискать огонь из человеческого сердца. Так, лучшая наша опера «Керем» того же Узеира Гаджибекова и по сей день покоряет силой музыкальной мысли.

Талантливо раскрылась в музыке живая душа Азербайджана. Вот уже двадцать лет звучит симфоническая поэма «Дейли и Меджнузи», рисует мир идей и чувств прекрасного человека на прекрасной земле. В этом ритме симфоническом полетом молодого Кара Караева раскрылось его дарование художника-мыслителя, композитора-новатора. Высокое творческое беспокойство, устремление к неизведанным горизонтам музыки досталось ему в наследство от Узеира Гаджибекова. И как ни смело и дерзки были его открытия и новации, отправной их точкой было народное творчество. Оно переплывало в художественном горниле композитора в некий неведомый дотоле, сугубо «наравский» сплав. Масштабность мысли, богатая и многогранная красочность речи, односторонне национально-самобытная и остро современная — в этом творческая индивидуальность композитора. Его искусство — это поразительно тонкое постижение современности, ощущение ее глубинных эволюционных процессов, чувство «подтекста» явлений времени.

Я так понимаю его творчество: это мой Азербайджан на выходящих орбитках современности с ее динамичной, ее тревогами и надеждами, и гуманистическим утверждением волевого, светлого начала. Современности с ее высоким и тонким интеллектуализмом, анализующей остротой ощущений и чувством ответственности за свой сегодняшний мир. И строгость вкуса, отточенность вкуса — будь то балеты «Семь красавиц», «Тропой грома», будь то Третья симфония и другие его сочинения. Есть в искусстве Кара Караева предчувствие будущего — так мне хочется сказать. Ощущение будущего в современности — всей нашей широкой современности, современности азербайджанской земли...

А старая «Девичья багша», ее тревогами и надеждами, и гуманистическим утверждением волевого, светлого начала. Современности с ее высоким и тонким интеллектуализмом, анализующей остротой ощущений и чувством ответственности за свой сегодняшний мир. И строгость вкуса, отточенность вкуса — будь то балеты «Семь красавиц», «Тропой грома», будь то Третья симфония и другие его сочинения. Есть в искусстве Кара Караева предчувствие будущего — так мне хочется сказать. Ощущение будущего в современности — всей нашей широкой современности, современности азербайджанской земли...

ЕСТЬ КАСПИЙСКИЙ «УТЕС»...

ВОКАЛЬНЫЙ ансамбль «Гяя». Их четверо, молодые ребята. — Теймур Мирзоев, Зейн Абдуллаев, Ариф Гаджибеков, Рауф Бабаев. Возраст ансамбля совсем еще юный, но ансамбль уже играет Всесоюзного конкурса на лучшее исполнение советской песни.

Итог им. «Гяя» Расскажите о себе.

— Рассказывать? Приходите, послушайте наши песни — это и будет наш рассказ.

В ансамбль вступил юный талантливый ансамбль Юрий Григорьев:

— «Гяя» — по-русски — это утес. В этом названии есть романтика, бунтует море, об утес разбиваются волны, но он стоит, возвышаясь над морем, и вместе с морем поет песни «утес». Мне бы хотелось подробно рассказать о программе, но ребята не любят, и в первую очередь семнадцати лет, и если вы созоветесь эти данные с 1913 годом, то увидите, насколько сильно выросло наше национальное искусство. После недавнего нольдурского что-то даже называли азербайджанский утес, в числе юных звезд советской эстрады. Что же нам очень приятно, что на большом конкурсе мы увидели национальную советскую эстраду есть и наши азербайджанские певцы. Дошли. О чем идет разговор? Гяя! Обо всем. Как ансамбль «Дружба» поет в дружбе, так ансамбль «Утес» — об утесе, как ансамбль «Сирена» — «Диего», «Алиора» поют песни о мире и дружбе, так наш «Гяя» поет о дружбе, об утесе, о братстве.

Можно ли петь о сердце отнять? — Никогда. Ты — мой хлеб и вода! Прощай мой распухший город... Веси я твой, навсегда, а символом тебе дам, Азербайджан!

...О КРАСКАХ

ТОГРУЛ НАРИМАНБЕКОВ, художник

КРАСКИ моей земли, краски Азербайджана!

Солнце, земля в цвету, огни на Каспии? Да, и солнце, и цветные земли, и огни голубого Каспия. Но и мужественности, и металл — суровые, трудные краски.

Нежность и мужество соединилась на моей земле. Поэты Баку недаром славят цветы, которые растут на стальных островах. Жизнелюбивый и мужественный — такой мне видится Азербайджан.

По весне он зацветает красками жизни. Солнечный свет зажигает пламенем разное море в полях: красные намок, синее небо. С балюстрада Нагорного парка в Баку летит на ветру зеленые косяки, и когда в предвечерний час зажигаются огни по берегу, а над опалым морем еще не уходит свет, я люблю эту живописную молодую зеленую дымку в синеве вечера и люблю железный цвет моря.

И я люблю красоту тяжелой плоти земли, напоянной нефтью. Отягченной нефтью, как соевый плод соком. Земля тяжела, живая. Ее надо писать платно и трудно — словно музыкальное, разгораченно пульсирующее, патристическое тело. Я закрываю глаза и вижу картины Ашера: трубы, как нервы, как артерии земли, нефть, как кровь земли, белый морской прибой, окантованный черной полосой мазута.

Эта напряженная и деятельная работа нежесточаема. В ней сила жизни, труда. Как написать все это? Сила та упругость и мощь, которым тесно на холсте. Чувство такое: форм

ражающему родную республику. В образах, подчеркнутых в истории, образах народной героини наша страна отражала пафос подвига и гордость современников, которые были строителями первых пятилеток тридцатых годов и патриотами свободной Родины. В том и величие, и художественная ценность пладанию народных и современных звуков времени создания искусства, что они способны всегда выискать огонь из человеческого сердца. Так, лучшая наша опера «Керем» того же Узеира Гаджибекова и по сей день покоряет силой музыкальной мысли.

Талантливо раскрылась в музыке живая душа Азербайджана. Вот уже двадцать лет звучит симфоническая поэма «Дейли и Меджнузи», рисует мир идей и чувств прекрасного человека на прекрасной земле. В этом ритме симфоническом полетом молодого Кара Караева раскрылось его дарование художника-мыслителя, композитора-новатора. Высокое творческое беспокойство, устремление к неизведанным горизонтам музыки досталось ему в наследство от Узеира Гаджибекова. И как ни смело и дерзки были его открытия и новации, отправной их точкой было народное творчество. Оно переплывало в художественном горниле композитора в некий неведомый дотоле, сугубо «наравский» сплав. Масштабность мысли, богатая и многогранная красочность речи, односторонне национально-самобытная и остро современная — в этом творческая индивидуальность композитора. Его искусство — это поразительно тонкое постижение современности, ощущение ее глубинных эволюционных процессов, чувство «подтекста» явлений времени.

Я так понимаю его творчество: это мой Азербайджан на выходящих орбитках современности с ее динамичной, ее тревогами и надеждами, и гуманистическим утверждением волевого, светлого начала. Современности с ее высоким и тонким интеллектуализмом, анализующей остротой ощущений и чувством ответственности за свой сегодняшний мир. И строгость вкуса, отточенность вкуса — будь то балеты «Семь красавиц», «Тропой грома», будь то Третья симфония и другие его сочинения. Есть в искусстве Кара Караева предчувствие будущего — так мне хочется сказать. Ощущение будущего в современности — всей нашей широкой современности, современности азербайджанской земли...

А старая «Девичья багша», ее тревогами и надеждами, и гуманистическим утверждением волевого, светлого начала. Современности с ее высоким и тонким интеллектуализмом, анализующей остротой ощущений и чувством ответственности за свой сегодняшний мир. И строгость вкуса, отточенность вкуса — будь то балеты «Семь красавиц», «Тропой грома», будь то Третья симфония и другие его сочинения. Есть в искусстве Кара Караева предчувствие будущего — так мне хочется сказать. Ощущение будущего в современности — всей нашей широкой современности, современности азербайджанской земли...

ДРУГ НАШЕЙ БРИГАДЫ

ИМЯ народной артистки РСФСР Ольги Быстрицкой широко известно миллионам советских любителей кино и театра.

Но мало кто знает, что эта замечательная актриса, все ниточки и время которой отданы сцене, увлекает вести большую общественную работу. Она — ударник коммунистического труда. Это звание год назад присвоено ей на Московском заводе торгово-машиностроения. Быстрицкая — член бригады коммунистического труда и высокой культуры. Ее бригада — бригада гальванического отделения — состоит из женщин. В часы досуга О. Быстрицкая приходит к ним, чтобы поговорить о работе, и об искусстве, и просто о жизни.

Эта назидательная, красивая женщина — великая труженица. Она репетировала главную роль в «Станке молотка» Скрибы на сцене Малого театра; одновременно снималась в «Мосфильме» в фильме «Дачники» и в коротких пьесах, необходимые для отдыха, приезжала в свою бригаду, на завод.

Как говорит О. Быстрицкая, эти встречи с бригадой стали для нее необходимостью. Они помогают ей в трудной работе, придают бодрости и уверенности к себе.

Мне хочется пожелать О. Быстрицкой больших творческих успехов.

М. МИРОШНИКОВА, инженер-технолог, МОСКВА.

